

С. В. Поленина¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

В специальной литературе, и не только юридической, нет какого-либо устоявшегося понятия глобализации. На наш взгляд, глобализацию можно охарактеризовать как макромасштабный многоплановый внутренне противоречивый процесс нарастания общего в элементах мировых экономических, социальных и правовых систем².

Как известно, наиболее явно процессы глобализации проявили себя в сфере экономики и коммуникационно-информационных процессов, с положительными и отрицательными последствиями чего мир смог основательно познакомиться в условиях нынешнего финансового кризиса.

Применительно к праву наиболее заметным проявлением процесса глобализации следует назвать конвергенцию правовых систем стран, входящих в различные так называемые «правовые семьи». Понятие «конвергенция» охватывает в данном случае сближение источников и форм права, стирание различий между структурой отраслей и институтов права, а также законодательства, методы формирования и формы проявления индивидуально-го и коллективного правосознания граждан.

Влияние конвергенции на право весьма противоречиво. Оно может иметь положительный эффект в вопросах внедрения таких прав и свобод человека, как право собственности, и в то же время препятствовать, как это имеет место в России, реализации конституционного требования (ст. 7 Конституции РФ) построения не просто правового, а подлинно *социального* государства, создающего не на словах, а на деле условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

В связи с этим в правоведении все более отчетливо проводится разграничение «ценностно необремененных», транснациональных сфер права, в которых глобализация протекает в форме конвергенции — с одной стороны, и «ценностно обремененных», локальных сфер, в которых процессы конвергенции, а тем более унификации права, не протекают или, во всяком случае, крайне затруднены на практике — с другой³.

Очевидно, проблема правового положения женщин, правового равенства мужчин и женщин относится к «ценностно обремененной» сфере в праве, так как лежит в глубинных основах общественной морали. Она представляет собой их генетический элемент, в том числе формирует идеологию конкретного общества, составляет основы его самоидентификации, культурной самобытности.

Радикальная смена отношения к женщине как субъекту права, как предполагалось, должна была произойти с принятием по итогам Второй мировой войны и победы над фашизмом в середине XX века Устава ООН, подтвердившего в числе прочих гуманистических ценностей приверженность государств — членов ООН утверждению веры в равноправие мужчин и женщин. А также с принятием Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей свободу и равенство всех людей в своем достоинстве и правах. Однако последующая практика во многом не оправдала этих надежд.

Причину этого, с нашей позиции, следует не в последнюю очередь искать в закономерностях развития права и правовых систем разных государств мира. Так, сегодня исследователи все чаще отмечают, что явления конвергенции и заимствований в правовых системах носят ограниченный характер. Наиболее «неконвергентные» (а точнее — наименее склонные к конвергенции) сферы и институты права, по данным компаративистов⁴, — уголовное и семейное право — сферы, в которых сильно проявляется влияние культуры и традиций. Тогда как, например, институты экономической природы все больше приобретают поистине глобальный характер, формируют существенно унифицированный массив, стимулирующий процессы глобализации.

Идея гендерного равенства, впервые провозглашенная в преамбуле Устава ООН и ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, на протяжении второй половины XX века постепенно наполнялась все более конкретным содержанием на международном и национальном уровнях.

В 1954 году вступила в силу Конвенция ООН о политических правах женщин, закрепившая на международном уровне необходимость наличия у женщин активных и пассивных избирательных прав, а в 1958-м — Конвенция о гражданстве замужней женщины. Впервые на международном уровне было провозглашено, что ни заключение, ни расторжение брака кем-либо из граждан страны с иностранцем, ни перемена гражданства мужем во время существования брачного союза не будут отражаться автоматически на гражданстве жены. Кроме того 14 декабря 1960 года была принята Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования.

Следующим важным этапом создания международного антидискриминационного стандарта гендерного равенства явилось принятие в один и тот же день — 16 декабря 1966 года — двух Международных пактов — о политических и гражданских правах и об экономических, социальных и культурных правах. Оба международных пакта гарантировали женщинам и мужчинам равные политические и гражданские права, а также равенство в социальных, экономических и культурных правах. Эти международные документы имеют много общего, в том числе и потому, что носят персонцентристский характер.

Дело в том, что они представляют собой хартию прав индивидуума — отдельно взятого человека и гражданина. Вопрос о возможности закрепления в качестве норм международного права стандартов правового статуса тех или иных групп населения, вычлененных по присущим им общим признакам (социальным, национальным, возрастным, половым и т. п.), долгие годы не только отрицался — сама постановка его тем или иным государством или группой государств трактовалась, в том числе на форумах ООН, как пропагандистская акция.

Жизнь постепенно ломала догму об исключительно индивидуальном характере прав человека. Нарождалось третье (после политических, гражданских и социально-экономических прав) поколение прав человека, охватывающее права тех категорий людей, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и международного сообщества в целом.

¹ Заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий, заслуженный юрист РФ.

² См.: Теоретические и практические аспекты развития правовой системы РФ в условиях глобализации / С. В. Поленина [и др.]. // Государство и право. 2005. № 12. С. 12.

³ См., например: Michaels R. Two paradigms of jurisprudence // Michigan Journal of International Law. 2006. Vol. 27. P. 1005.

⁴ Ibid.

Круг носителей таких коллективных прав достаточно широк. Он охватывает, в частности, молодежь и пенсионеров, инвалидов и безработных, беженцев и лиц некоренной национальности. Однако в эпицентре этого круга стоят женщины, поскольку они не только нуждаются в особой защите со стороны государства, так как в силу причин физиологического характера не имеют равных с мужчинами возможностей осуществления общих для всех людей прав человека, но и могут быть одновременно подростками, престарелыми, инвалидами, беженцами, безработными и т. д. Иными словами, ущемленными в реализации прав и свобод по этим основаниям¹.

Переломным моментом в деле защиты на международном уровне не только индивидуальных, но и коллективных прав граждан и одновременно создания исходной базы международного стандарта гендерного равенства явилось принятие в декабре 1979 года Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В ней дано определение понятия «дискриминация в отношении женщин» и указывается, что не являются дискриминацией по признаку пола временные специальные меры, имеющие целью выравнивание возможностей женщин и мужчин: например, квотирование при приеме на работу, предоставление льгот предпринимателям, принимающим на работу женщин с малолетними детьми и т. д.

Во исполнение решений Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993), провозгласившей, что права женщин и девочек являются неотъемлемой, составной и неделимой частью всеобщих прав человека (ст. 18). В том же 1993 году Генеральной Ассамблеей была принята Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которая до сих пор еще, несмотря на неоднократные требования мировой женской общественности, так и не переработана в конвенцию ООН.

ООН провозгласила **XXI век Веком демократии и женщин**. Однако сами по себе международные стандарты гендерного равноправия не способны изменить сложившиеся веками в повседневной жизни и получившие закрепление в культурных и религиозных догматах народов положение. С тех пор, как человеческие общества и культуры стали взаимодействовать и сравнивать себя друг с другом, положение женщин и детей, а также ритуалы, связанные с сексом, женитьбой и смертью, занимают особое место в том, как культуры воспринимают друг друга.

Не только такие межкультурные сравнения, но и «женский трафик» — то есть обмен женщинами, производившийся мужскими представителями человеческого рода с помощью бартера, женитьбы, войн и завоеваний, — повсеместно были устойчивыми чертами большинства известных нам обществ². В этих условиях понятно стремление ряда культурных, этнических и конфессиональных групп и сообществ максимально отстранить государство от регламентации семейной и личной жизни граждан, обособив ее в некую частную сферу, отделенную от сферы общественной.

Дополнение, как указывалось выше, строго персонцентристской ориентации развития международного права в первые десятилетия после создания ООН социалистическими конвенциями и декларациями в конце **XX века** отнюдь не означало, что весь мир принял к руководству и соблюдению *обе (индивидуальную и коллективную) концепции прав человека* без каких-либо оговорок. Тем более что они базируются на внутренне противоречащих друг другу социокультурных установках, национальных обы-

чаях, традициях и исповедуемой большинством населения той или иной страны религии.

Казалось бы, мусульманский мир, религиозные представления которого базируются во многом на коллективистских началах, должен был бы безоговорочно поддерживать ту часть международно-правовых документов, которые носят социалистический характер. Однако именно закрепленные в Конвенциях ООН 1979 года (о правах женщин) и 1989 года (о правах ребенка) права женщин и детей относятся согласно шариату к числу так называемых прав личного статуса (брак, развод, наследование, опека над детьми и т. д.). При этом личный статус считается одной из сторон религиозной принадлежности индивида, частью свободы вероисповедания, которая предполагает и свободу регулирования личного статуса в соответствии со сложившейся в той или иной конфессии нормой. Соответственно, споры по поводу личного статуса в мусульманских странах (а также и Израиле) не подлежат компетенции государственным судам, а разрешаются религиозными судами.

В этих условиях понятно, почему целый ряд азиатских и африканских государств, ратифицируя Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, сделали большое число весьма существенных оговорок и заявлений, часть которых была, правда, снята в дальнейшем.

В результате, по данным ООН, к лету 1996 года Конвенция 1979 года была ратифицирована 161 государством. На тот период она была вторым по масштабам участия договором о правах человека, но вместе с тем она оказалась договором, по отношению к которому государства-стороны высказали наибольшее число весьма существенных оговорок (54).

Особые возражения со стороны мусульманских государств вызвала ст. 2 Конвенции — центральная с точки зрения предмета и целей документа. Пункт «д» этой статьи обязывает государства, присоединившиеся к ней, отменить все положения уголовного законодательства, которые являются дискриминационными в отношении женщин, в том числе основанную на нормах Корана смертную казнь за убийство, вероотступничество (а также совершенные порочащих ислам действий) и внебрачные сексуальные отношения.

Уходящее в глубину веков, такое дискриминирующее женщин положение во многом сохранилось и поныне. При анализе трудностей, связанных с сосуществованием разных культур, наукой выявлено 12 практик, особенно часто вызывающих у их представителей противоположную оценку. Из них 7 (то есть больше половины) касаются положения женщин в различных культурных сообществах. Это женское обрезание, полигамия, браки в пределах запрещенных степеней родства, исламский запрет на участие девочек в совместном с мальчиками занятии спортом и плаванием, браки по договоренности, исламское указание, чтобы девочки и женщины носили головной платок (хиджаб)³.

В начале **XXI века проблема взаимодействия** правовых систем мира приобрела, как известно, резкую конфликтность. Наряду с терроризмом, наркобизнесом, компьютерной преступностью, торговлей людьми и другими отрицательными проявлениями охватывающих все большее число государств глобализационных процессов, неожиданную остроту приобрели вопросы национально-культурной идентичности каждого отдельного человека, а также тех или иных вычислениях по этому признаку общности людей. При этом первостепенная роль и функция традиционной константы в иерархии идентичности,

¹ Поленина С. В. Закон и коллективные права женщин как социального слоя населения // Теория права : новые идеи. М., 1995. С. 4–5.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 98–100.

³ Parekh B. Rethinking Multiculturalism Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, 2000.

как и во многие другие периоды истории человечества, по-прежнему принадлежит религии.

Между тем, по мнению Беназир Бхутто, которое она незадолго до своей смерти изложила в вышедшей в 2008 году в Нью-Йорке книге «Примирение. Ислам, демократия и Запад», ислам как религиозное учение вполне совместим с демократией. Б. Бхутто считает парадоксальным тот исторический факт, что с течением времени ислам становился все менее терпим, а христианство, отличавшееся на первых порах сильной доктринальной нетерпимостью, превратилось в толерантную религию.

При этом, в то время как теоретически ислам вполне совместим с демократией, на практике в большинстве мусульманских стран господствует та или иная форма авторитаризма. Во главе большинства мусульманских государств, отмечает Б. Бхутто, стоят силы, не заинтересованные в развитии свободы и демократии, предоставлении населению гражданских прав и совершенствовании юридической системы. Огромную роль играет в этом процессе пренебрежение к правам женщин. Сохранение гендерного неравенства — одна из неясных целей политики, проводимой во многих исламских государствах. К этому добавляется притеснение бедных и неграмотных, среди которых также большинство женщин¹.

В то же время современная мусульманская мысль по этим вопросам не стоит на месте, учитывая происходящие в мире изменения.

Это нашло отражение во Всеобщей исламской декларации прав человека, провозглашенной Исламским советом Европы в 1981 году, и в Декларации прав человека в исламе, одобренной на исламской конференции в Каире в сентябре 1990-го. Правда, на этом основании существенных подвижек в сторону либерализма в вопросах прав человека в мусульманских странах ожидать едва ли можно. Ведь согласно ст. 24 Декларации 1990 года: «Все права и свободы, закрепленные в настоящем документе, ограничены нормами шариата», а ст. 25 этого документа провозглашает, что «Исламский шариат является единственным источником для толкования любой из статей настоящей декларации»².

Особенно безнадежно с учетом названных и других норм Декларации выглядят надежды на изменение в сторону свободы и гендерного равенства личного статуса мусульманских женщин. Это так, поскольку семейное законодательство большинства исламских государств, с одной стороны, признает за женщиной личные свободы и социальные права, а с другой — признает равноправие жен-

щин с мужчинами лишь при условии выполнения женщинами своих семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства.

Тем не менее определенные положительные шаги со стороны отдельных мусульманских стран по пути сближения основных концепций прав человека имеют место. Из газет мы узнаем, что в тех или иных странах, расположенных вокруг Персидского залива, женщинам предоставлено избирательное право, хотя им по-прежнему не дозволяется управлять автомобилем.

К сожалению, далеко не всегда меняет к лучшему судьбу женщин-мусульманок и эмиграция в демократические страны Запада.

При всех условиях следует согласиться с мнением заместителя министра иностранных дел РФ А. Яковенко по поводу того, что глобализации в отношении прав человека достичь трудно. Такой вывод он сделал по завершении в Женеве так называемого сегмента высокого уровня первой сессии Совета ООН по правам человека летом 2006 года. По мнению А. Яковенко, работа сессии показала, что различия существуют не только между нациями и народами, но и на региональном уровне. И игнорирование региональных различий может оказаться контрпродуктивным, что особенно ярко видно при попытке механического перенесения даже самой «прогрессивной» модели в условия, к которым она не приспособлена или вообще не применима. Так, оказалась неудачной попытка перенести без изменений богатый опыт Совета Европы по установлению правозащитных стандартов и соблюдению прав человека на международном уровне в американский регион. В Африке в этом смысле ситуация несколько иная: с учетом американского опыта на континенте удалось создать собственную систему, основанную именно на широком понимании культурного и исторического разнообразия, существующего в регионе³.

Россия и населяющий ее народ, рассмотренные под углом зрения национально-культурной идентичности, представляют собой специфическое государственное образование, которое создавалось на протяжении веков и сохранилось в значительной своей части, несмотря на разрушительные действия либеральных псевдореволюционеров в 1990-х годах.

В этих условиях крайне важно добиваться проведения оптимальной национально-культурной политики в РФ — светском государстве, в котором согласно Конституции «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 14).

¹ Белокреницкий В. Беназир Бхутто и исламская демократия // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 5–16.

² Сюкияйнен Л. Р. Исламская концепция прав человека // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 306–321.

³ Яковенко А. Глобализации в отношении прав человека трудно достичь // Российская газета. 2006. 27 июня.